

Научная статья

УДК 159.923.2:159.922.8

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Богачева Татьяна Игоревна, кандидат психологических наук, педагог-психолог, Курский государственный университет, Россия, Орёл, bogacheva_76@ya.ru

Аннотация. Структурная организация самосознания в юношеском возрасте рассматривается в современной психологии как многокомпонентное образование, однако эмпирические данные о динамике взаимосвязей его элементов остаются фрагментарными. Существующие теоретические модели нередко фиксируют компоненты в относительной изоляции, что ограничивает понимание механизмов их интеграции и возрастной специфичности структурных преобразований. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей структурной организации самосознания в период 15-22 лет, отслеживании лонгитюдных траекторий изменения когнитивного, эмоционального, поведенческого и ценностного компонентов, определении кризисных точек трансформации и компенсаторных факторов, а также разработке типологической схемы стадий развития. Эмпирический анализ показывает нелинейный характер динамики, при котором доминирование когнитивных процессов на ранних этапах сменяется ценностно-опосредованной регуляцией. Установлено, что максимальное рассогласование внутренних компонентов в возрасте 18-19 лет выступает нормативным условием перестройки. Выделены два типа индивидуальных траекторий преодоления кризисных состояний, различающиеся по степени использования социальных ресурсов и уровню рефлексивной компетентности. На основе кластерного анализа лонгитюдных данных построена трёхстадийная модель, дифференцирующая диффузную, поисковую и интегрирующую фазы

структурного становления. Полученные результаты подтверждают трактовку самосознания как динамической иерархии, в которой периоды дестабилизации способствуют последующему усложнению системы. Разработанная типология позволяет дифференцировать стратегии психологического сопровождения в зависимости от актуальной стадии структурной организации. Выводы исследования вносят вклад в развитие общей психологии и психологии личности, формируя методологическую основу для адресного консультирования юношеской возрастной группы и обозначая перспективы кросс-культурной верификации выявленных закономерностей.

Ключевые слова: самосознание; юношеский возраст; структурно-динамическая организация; лонгитюдный дизайн; когнитивно-эмоциональная регуляция; кризис идентичности; компенсаторные факторы; типология развития.

Original article

STRUCTURAL ORGANIZATION OF SELF-AWARENESS IN ADOLESCENCE

Bogacheva Tatyana Igorevna, Candidate of Psychological Sciences, Educational Psychologist, Kursk State University, Oryol, Russia, bogacheva_76@ya.ru

Abstract. The structural organization of self-awareness in adolescence is viewed in modern psychology as a multicomponent entity, but empirical data on the dynamics of the interrelations between its elements remains fragmented. Existing theoretical models often conceptualize components in relative isolation, limiting understanding of the mechanisms of their integration and the age-specificity of structural transformations. The aim of this study is to identify patterns in the structural organization of self-awareness between ages 15 and 22, track longitudinal trajectories of change in cognitive, emotional, behavioral, and value components, identify crisis points in transformation and compensatory factors, and develop a typological framework for developmental stages. Empirical analysis reveals a nonlinear dynamic

in which the dominance of cognitive processes in the early stages gives way to value-mediated regulation. It has been established that the maximum discrepancy between internal components at ages 18-19 serves as a normative condition for restructuring. Two types of individual trajectories for overcoming crisis situations are identified, differing in the degree of involvement of social resources and reflexive competence. A three-stage model is constructed based on a cluster analysis of longitudinal data, differentiating between the diffusion, search, and integrative phases of structural development. The obtained results confirm the interpretation of self-awareness as a dynamic hierarchy, in which temporary periods of destabilization trigger mechanisms for increasing systemic complexity. The developed typology differentiates psychological support strategies depending on the current stage of structural organization. The findings of the study contribute to the development of general psychology and personality psychology, forming a methodological basis for targeted counseling of the adolescent age group and outlining prospects for cross-cultural verification of the identified patterns.

Keywords: self-awareness; adolescence; structural-dynamic organization; longitudinal design; cognitive-emotional regulation; identity crisis; compensatory factors; developmental typology.

Введение. Самосознание выступает базовым конструктом в системе психологического знания, определяющим способность субъекта к рефлексии собственных состояний, мотивационных тенденций и социальных ролей. В рамках общей психологии данное образование - непрерывно развивающаяся система, возникающая в процессе взаимодействия индивида с внешней средой и внутренними психическими механизмами [1]. Исторический анализ показывает постепенную трансформацию представлений о самосознании от умозрительных философских построений к эмпирически обоснованным моделям, фиксирующим когнитивные, аффективные и регуляторные составляющие личности. Соотношение и функциональные связи внутренних компонентов

определяют устойчивость идентичности и адаптивность поведения в изменяющихся жизненных условиях.

Юношеский возраст представляет особый интерес для исследования самосознания вследствие одновременного расширения когнитивных возможностей и усложнения пространства социального самоопределения. Образовательные переходы, выбор профессионального направления, изменение характера отношений с родителями и сверстниками, появление представлений о будущем создают ситуации, в которых человеку необходимо согласовывать различные версии собственного «Я». Поэтому развитие самосознания в интервале 15-22 лет целесообразно рассматривать как последовательную перестройку способов связывания самоописаний, эмоционального отношения к себе, поведенческих решений и ценностных ориентиров.

Нейрокогнитивное развитие в этот период также не завершается в строго определённом возрасте. Современные данные характеризуют структурное и функциональное развитие мозга в подростковом и юношеском возрасте как продолжительный и нелинейный процесс, связанный в том числе с изменениями самореференциальной обработки и социального познания [12]. Лонгитюдные исследования самоконцепции показывают возрастные изменения как в содержании самооценок, так и в их согласовании с предполагаемыми оценками со стороны других людей [11]. Следовательно, возрастная специфика самосознания определяется не только развитием отдельных психических функций, но и постепенным изменением способа организации информации о себе.

Структурная организация самосознания предполагает выделение функционально связанных элементов, обеспечивающих целостность внутреннего опыта. Когнитивный уровень включает знания о собственных качествах, способностях и ограничениях, формируемые посредством сопоставления с внешними эталонами и внутренними стандартами. Эмоционально-оценочный пласт отражает отношение индивида к выявленным

характеристикам, проявляясь в формах самопринятия, уверенности или, напротив, в напряжённости и неуверенности. Поведенческо-регуляторный компонент определяет возможность целенаправленного изменения установок и корректировки действий в соответствии с принятыми решениями. Ценностно-смысловое ядро интегрирует жизненные приоритеты, этические ориентиры и долгосрочные цели, придавая внутреннему опыту иерархическую упорядоченность. В юношеском возрасте эти компоненты проходят стадию дифференциации с последующей интеграцией [3].

Для настоящего исследования принципиально различать выраженность отдельного компонента и структурную согласованность самосознания. Высокая рефлексивность сама по себе не означает сформированности целостного представления о себе, если полученные знания вступают в устойчивое противоречие с эмоциональным самоотношением, ценностями или способами поведения. Аналогично позитивная самооценка не свидетельствует о структурной зрелости, если она не связана с системой целей и не поддерживается соответствующими способами саморегуляции.

В таком понимании развитие состоит не только в изменении средних показателей отдельных характеристик, но и в перестройке отношений между ними. Современные исследования определяют согласованность, определённую и относительную временную устойчивость представлений о себе как самостоятельный аспект развития Я-концепции. Лонгитюдные данные показывают, что более высокая ясность самоконцепции связана с последующим психологическим благополучием и способностью выстраивать перспективу будущего [13, 14]. Поэтому анализ межкомпонентных связей, используемый в настоящей работе, позволяет дополнить традиционное исследование содержания самосознания характеристикой его внутренней организации.

Современные теоретические подходы к изучению самосознания рассматривают его составляющие по отдельности, что затрудняет построение непротиворечивой модели личностного развития в указанный возрастной

интервал. Эмпирические данные демонстрируют неоднозначные результаты относительно доминирующих структурных компонентов и их временной устойчивости. Методологические ограничения связаны с измерением латентных конструктов, зависимостью самоотчётов от ситуативных переменных и недостаточной дифференциацией возрастных нормативов. Отсутствие системного описания взаимосвязей между когнитивными, аффективными и регуляторными процессами снижает объяснительную способность существующих теорий при анализе формирования устойчивой идентичности. Для восполнения этого пробела необходим многомерный аналитический инструментарий, позволяющий выявлять структурные преобразования в естественных социальных условиях.

Обзор литературы. Проблема структурной дифференциации самосознания занимает основополагающее место в современной психологии личности. Классические работы отечественных исследователей заложили фундамент понимания данного феномена как многоуровневого образования, включающего когнитивные, эмоциональные и регуляторные аспекты [4], [5]. С.Л. Рубинштейн рассматривал самосознание через призму рефлексивного отношения субъекта к собственной деятельности, подчеркивая единство познавательного и деятельностного начал. В труде [6] акцент смещается на процессуальную сторону становления самосознания, где ключевую роль играет внутренняя позиция личности относительно изменяющихся условий существования.

Зарубежные теоретические модели, в частности работы Э. Эриксона, вводят понятие эго-идентичности как интегрального результата кризисных переходов подросткового и юношеского возраста. Концепция самосхемы М. Маркуса и последующие исследования Дж. Хиггинса дифференцируют когнитивные репрезентации «Я-реального», «Я-идеального» и «Я-должного», что позволяет представить структурные компоненты в форме, доступной для эмпирического изучения. Современные подходы, представленные в работах К.Р.

Роджерса и Х. Маркуса, акцентируют внимание на динамическом взаимодействии между самопознанием и эмоциональным отношением к себе, указывая на необходимость учета контекстуальных факторов [7].

Возрастная динамика самосознания в интервале, охватывающем поздний подростковый возраст и переход к ранней взрослости, не сводится к монотонному усилению определённости Я-концепции. Лонгитюдные исследования обнаруживают сочетание развития и временной неоднородности: отдельные области самооценки могут изменяться с различной скоростью, а периоды повышенной рефлексии сопровождаться как большей ясностью представлений о себе, так и усилением сомнений и поисковой активности [11, 12]. В этом смысле структурное усложнение может временно снижать субъективное ощущение определённости, поскольку человек должен соотнести между собой большее число социальных ролей, требований и возможных жизненных сценариев.

Особое значение к окончанию школьного обучения и на последующих этапах приобретают представления о собственном будущем. Современное лонгитюдное исследование молодых людей 17-27 лет показывает взаимосвязь процессов идентичностного поиска и принятия обязательств с тем, насколько структурированным оказывается образ будущей взрослой жизни [17]. Это позволяет рассматривать ценностно-смысловой компонент как средство согласования актуального образа себя с выбираемой жизненной перспективой.

Особую научную значимость приобретает изучение кризисных точек, в которых происходит перестройка структурных связей. Работы Л.И. Божович и Д.Б. Эльконина указывают на нормативные кризисы развития как периоды дестабилизации с последующей интеграцией на новом уровне. Однако механизмы компенсации и факторы, обеспечивающие плавность переходов, остаются недостаточно исследованными в контексте структурной организации самосознания [10]. Это определяет необходимость комплексного подхода, сочетающего компонентный анализ с отслеживанием индивидуальных

траекторий в динамике.

Методологическая и теоретическая база исследования. Теоретической основой настоящего исследования послужила системно-деятельностная парадигма, интегрирующая положения о единстве сознания и деятельности с современными представлениями о саморегуляции личности. Самосознание - это функциональная система, в которой когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты находятся в отношениях взаимной детерминации. Когнитивный компонент включает репрезентации знаний о себе, сформированные через социальное сравнение и интроспекцию. Эмоциональный компонент отражает аффективное отношение к этим репрезентациям, проявляющееся в формах самопринятия или внутреннего конфликта. Поведенческий компонент обеспечивает регуляторную функцию, реализуясь в стратегиях самоизменения. Ценностный компонент задает иерархию смысловых ориентиров, интегрируя остальные элементы в целостную структуру.

Исследование построено по лонгитюдному дизайну и включает три измерения: в 15-16, 18-19 и 21-22 года. В выборку вошли 240 участников обоих полов, обучавшихся в образовательных организациях различного типа. Для диагностики компонентов самосознания использовался комплекс валидизированных методик:

- методика изучения самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантеева;
- опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой;
- методика исследования ценностных ориентаций М. Рокича в адаптации Д.А. Леонтьева;
- проективные техники для минимизации эффектов социальной желательности (таблица 1).

Статистическая обработка включала дисперсионный анализ с повторными измерениями, факторный анализ и кластеризацию индивидуальных траекторий.

Единицей анализа выступал не отдельный тестовый показатель, а профиль соотношения четырёх компонентов в каждой возрастной точке. Когнитивные

показатели характеризовали дифференцированность и рефлексивную разработанность представлений о себе; эмоциональные - характер самоотношения; поведенческие - степень самостоятельной организации и регуляции деятельности; ценностные - устойчивость и согласованность жизненных ориентиров. Межкомпонентные корреляции использовались для характеристики того, насколько изменения одного уровня сопряжены с изменениями других уровней.

Такой способ анализа позволяет избежать отождествления структурной интеграции с простой суммой высоких показателей. В исследовании интеграция понималась как повышение согласованности компонентов при сохранении их функциональной различимости. Соответственно, возрастное увеличение связей интерпретировалось как усиление взаимной координации уровней.

Таблица 1 - Операционализация компонентов самосознания и методы их диагностики

Компонент	Содержательная характеристика	Диагностические индикаторы	Методы измерения
Когнитивный	Система знаний о собственных качествах, способностях, социальных ролях	Дифференцированность Я-концепции	Самоотчетные шкалы
		Согласованность самооценок	Контент-анализ нарративов
		Рефлексивная глубина	Метод репертуарных решеток
Эмоциональный	Аффективное отношение к себе, уровень самопринятия, эмоциональная устойчивость	Интегральный показатель самоотношения	Опросник самоотношения
		Преобладание позитивных / негативных эмоций	Шкалы депрессии и тревоги
		Тревожность	Проективные методы
Поведенческий	Способность к целеполаганию, самоконтролю, адаптивной регуляции поведения	Уровень самоорганизации	Опросник самоорганизации
		Гибкость стратегий	Поведенческие задания
		Настойчивость в достижении целей	Экспертные оценки

Ценностный	Иерархия жизненных приоритетов, смысловые установки, этические ориентиры	Согласованность ценностей и действий	Методика ценностных ориентаций
		Устойчивость предпочтений	Ранжирование
		Рефлексия смыслов	Нарративный анализ

Источник: разработано автором.

Высокая дифференцированность когнитивных представлений не всегда коррелирует с позитивным эмоциональным фоном, что указывает на необходимость анализа межкомпонентных связей показателей.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ лонгитюдных данных выявил нелинейный характер изменений структурной организации самосознания в изучаемом возрастном диапазоне. На первом этапе (15-16 лет) доминирует когнитивная компонента, что проявляется в активном поиске информации о себе, частом социальном сравнении и высокой рефлексивной активности. Эмоциональный фон характеризуется лабильностью, поведенческая регуляция зависит от внешней поддержки, а ценностные ориентации сохраняют высокую пластичность. Коэффициенты внутренней согласованности компонентов находятся на низком уровне ($\alpha = 0,42-0,58$), что свидетельствует о фрагментарности структуры.

К возрасту 18-19 лет наблюдается статистически значимое усиление связей между когнитивным и ценностным компонентами ($r = 0,67$, $p < 0,01$), а также рост показателей самопринятия. Поведенческая регуляция приобретает большую автономность, что подтверждается повышением баллов по шкалам самоорганизации. Однако именно в этой возрастной точке фиксируется пик внутриличностной напряжённости: примерно у 34% участников выявлено рассогласование между «Я-реальным» и «Я-идеальным», превышающее критический уровень. Данный феномен интерпретируется как нормативная кризисная точка, связанная с необходимостью профессионального и личностного самоопределения (рисунок 1).

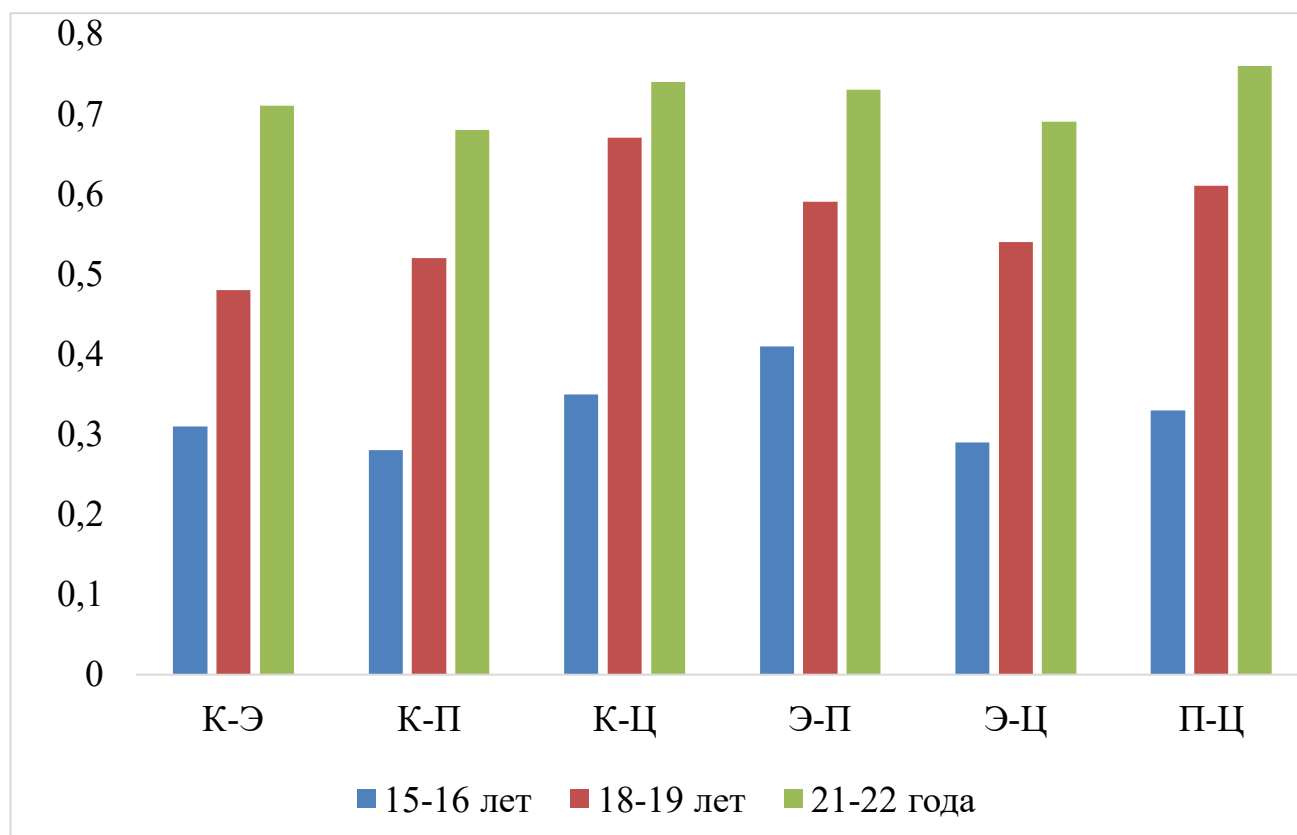

Рисунок 1 - Динамика межкомпонентных корреляций в возрасте 15-22 года
(источник: разработано автором)

Зафиксированное в 18-19 лет рассогласование «Я-реального» и «Я-идеального» требует дифференцированной интерпретации. Поскольку превышение установленного в исследовании критического уровня обнаружено приблизительно у 34% участников, полученный результат не позволяет характеризовать выраженный кризис как обязательное состояние каждого человека этого возраста. Вместе с тем концентрация подобных случаев именно во втором срезе указывает на повышенную вероятность структурного напряжения в период, когда одновременно особенно значимыми становятся задачи профессионального выбора, автономизации и определения жизненной перспективы.

С этой точки зрения продуктивнее говорить о возрастно чувствительном периоде реорганизации, внутри которого возможны разные индивидуальные траектории. Временная несогласованность между представлениями о себе,

желаемым образом собственного будущего и актуальной системой ценностей может отражать усиление идентичностного поиска. Современные исследования показывают, что изменения жизненных обстоятельств и стрессовых событий действительно связаны с изменением интенсивности исследования идентичности и устойчивости принятых обязательств [19]. Следовательно, само наличие перестройки не является достаточным признаком дезадаптации; существенны её продолжительность, выраженность сопутствующего эмоционального неблагополучия и возможность последующей реинтеграции.

Динамика межкомпонентных корреляций позволяет выявить общую тенденцию к усилению структурной связности. На раннем этапе отношения между показателями остаются сравнительно слабыми и неоднородными: представления о себе, эмоциональная оценка собственных качеств, способы саморегуляции и ценностные предпочтения ещё не образуют устойчивой взаимосвязанной конфигурации. Во втором срезе особенно заметно усиление связи когнитивного и ценностного компонентов ($r = 0,67$; $p < 0,01$), что совпадает с периодом активного самоопределения.

К 21-22 годам структура характеризуется большей согласованностью всех исследуемых компонентов. Этот результат может быть интерпретирован как переход от преимущественного описания себя к более выраженному соотнесению представлений о себе с основаниями выбора и поведения. Особенно информативно усиление связи эмоционального и ценностного компонентов: отношение к собственным характеристикам всё в большей степени оказывается сопряжено не только с внешним сравнением, но и с системой индивидуально значимых ориентиров.

При этом повышение корреляций не следует трактовать как окончательное завершение развития самосознания к 21-22 годам. Современные работы показывают продолжение идентичностных изменений, в том числе во взаимосвязи с образом будущей взрослой жизни и жизненными событиями [17, 19]. Полученный результат корректнее понимать как формирование более

связной конфигурации внутри изученного возрастного интервала.

Выявлены два основных типа кризисных траекторий. Первый тип (42% выборки) характеризуется кратковременной дестабилизацией с последующей быстрой реинтеграцией на более высоком уровне структурной сложности. Компенсаторными факторами здесь выступают социальная поддержка, наличие значимых референтных групп и развитые навыки рефлексии. Второй тип (18% выборки) показывает пролонгированную рассогласованность компонентов, что коррелирует с повышенной тревожностью и трудностями в профессиональной адаптации. В этой группе компенсаторную роль преимущественно играют внешние ресурсы - наставничество, психологическое сопровождение и структурирование образовательной среды (таблица 2).

Таблица 2 - Компенсаторные ресурсы структурной реорганизации самосознания

Ресурс	Механизм воздействия	Расчётный показатель вклада в интеграцию	Возрастная специфика, выявленная в исследовании
Социальная поддержка	Снижение эмоционального напряжения	0,38	Максимальна в 18-19 лет
	Предоставление альтернативных моделей самооценки		
Рефлексивная компетентность	Осознание причин внутренних конфликтов	0,52	Возрастает линейно от 15 к 22 годам
	Планирование стратегий самоизменения		
Ценностная определенность	Придание смысла текущим трудностям	0,47	Пик влияния в 21-22 года
	Иерархизация целей		
Образовательная структурированность	Предоставление внешних рамок для саморегуляции	0,31	Значима преимущественно до 19 лет

Источник: разработано автором.

Распределение компенсаторных ресурсов показывает изменение источника структурной устойчивости по мере взросления. В более ранней возрастной точке заметную роль играют внешне организованные формы

поддержки, тогда как позднее возрастает значение внутренних способов согласования противоречий - рефлексии и ценностной определённости. Подобное изменение не означает снижения значения межличностных отношений. Лонгитюдные исследования показывают двусторонние связи качества привязанности к родителям и ясности самоконцепции подростков [15], а исследования семейного функционирования подтверждают связь поддерживающей среды с более определённым образом себя [18]. Иными словами, социальный контекст постепенно перестаёт быть единственным источником организации, но продолжает участвовать в развитии самосознания.

На основе кластерного анализа индивидуальных траекторий разработана типологическая схема стадий развития структурной организации самосознания:

- первая стадия (диффузная), которая характеризуется низкой связностью компонентов и доминированием внешних критериев самооценки;
- вторая стадия (поисковая), которая отражает активное экспериментирование с социальными ролями и ценностными предпочтениями при сохранении эмоциональной нестабильности;
- третья стадия (интегративная), фиксирующая устойчивые межкомпонентные связи, согласованность самооценок и способность к автономной регуляции.

Предложенную типологию целесообразно понимать как описание преобладающей структурной конфигурации. Современные исследования идентичности показывают значительную индивидуальную вариативность процессов исследования, принятия обязательств и пересмотра ранее сделанного выбора [17, 19]. Поэтому пребывание человека на поисковой стадии само по себе не следует рассматривать как неблагоприятный результат.

Такое уточнение особенно важно для практического применения модели. Психологическое сопровождение должно быть ориентировано на оценку того, выполняет ли структурная несогласованность развивающую функцию. Вмешательство становится особенно актуальным в случаях, когда структурная

несогласованность сохраняется, сочетается с выраженной тревожностью, препятствует образовательной или профессиональной адаптации и не компенсируется доступными внутренними либо социальными ресурсами.

Полученные результаты позволяют определить структурное развитие самосознания как процесс изменения координации между его компонентами. На первом этапе интенсивное накопление и дифференциация знаний о себе опережают их эмоциональную, поведенческую и ценностную интеграцию. В следующей возрастной точке усиление идентичностного поиска может временно повышать внутреннюю несогласованность. На позднем этапе исследованного интервала возрастает связность самоотношения, способов саморегуляции и ценностных ориентиров.

Такой ракурс согласуется с современными данными, согласно которым развитие самоконцепции в подростковом возрасте происходит неравномерно в разных сферах и имеет нелинейный характер [11, 12]. Внешняя среда при этом выступает участником процесса: качество семейного взаимодействия и отношений с родителями связано с ясностью самоконцепции [15, 18], а современная цифровая среда создаёт дополнительное пространство идентичностного исследования и социального сравнения [16].

Практическая ценность трёхстадийной модели состоит прежде всего в возможности различать кратковременную развивающую несогласованность и более устойчивую структурную фрагментацию. Для этого недостаточно одного показателя самоотношения или тревожности; необходимо учитывать конфигурацию межкомпонентных связей, динамику во времени и наличие ресурсов последующей интеграции.

Выводы. Лонгитюдное сопоставление трёх возрастных точек показывает, что структурное развитие самосознания в интервале 15-22 лет имеет гетерохронный характер. Когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты изменяются не синхронно, вследствие чего степень их согласованности оказывается самостоятельной характеристикой возрастной

динамики.

В возрасте 15-16 лет исследованная структура отличается сравнительно невысокой связностью компонентов и выраженной зависимостью самооценочных процессов от поиска информации о себе и внешнего сравнения. К 18-19 годам усиливается сопряжённость когнитивного и ценностного компонентов ($r = 0,67$; $p < 0,01$), возрастает автономность саморегуляции и одновременно у части выборки повышается внутриличностное напряжение. Выраженное рассогласование «Я-реального» и «Я-идеального» зафиксировано приблизительно у 34% участников, поэтому данный результат следует характеризовать как повышенную вероятность кризисной реорганизации.

К 21-22 годам в исследованной выборке наблюдается более высокая согласованность межкомпонентных связей. Усиление сопряжённости эмоциональных оценок, поведения и ценностных ориентиров позволяет говорить о формировании более интегрированной структуры, в которой представления о себе в большей степени соотносятся с основаниями выбора и долгосрочными целями. При этом достигнутая связность не означает окончательной завершённости самосознания, поскольку идентичностное развитие продолжается и за пределами данного возрастного интервала.

Выделенные кризисные траектории показывают, что одинаковый возрастной переход может сопровождаться разной продолжительностью структурной дестабилизации. Для первой траектории характерна относительно быстрая последующая реинтеграция, для второй - более длительная рассогласованность, связанная с повышенной тревожностью и затруднениями профессиональной адаптации. Полученные различия подтверждают необходимость анализировать длительность возрастной неопределённости, психологические последствия и доступность компенсаторных ресурсов.

Компенсаторные факторы также имеют различную возрастную выраженность. Внешняя социальная и образовательная поддержка особенно значима на более ранних этапах, тогда как рефлексивная компетентность и

ценностная определённости приобретают больший вес по мере перехода к автономной саморегуляции. Следовательно, интеграция самосознания предполагает изменение роли социальной обратной связи: от внешнего критерия самооценки к ресурсу осмысленного самоопределения.

Разработанную типологию диффузной, поисковой и интегрирующей стадий целесообразно применять как модель преобладающих структурных состояний. Поисковая стадия сама по себе не является показателем неблагополучия: временная несогласованность может выполнять развивающую функцию, если сопровождается дальнейшим усложнением и координацией системы. Основанием для повышенного внимания становятся пролонгированная фрагментация, выраженный эмоциональный дистресс и затруднение самостоятельного жизненного и профессионального выбора.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с проверкой воспроизводимости обнаруженной структуры на независимых выборках, учётом гендерных и образовательных различий, а также исследованием влияния цифровой коммуникации и социального сравнения на процессы самоопределения. Современные данные свидетельствуют, что для идентичностного развития имеет значение характер активности, включая самопрезентацию, стремление к аутентичности, социальное сравнение и исследование различных вариантов собственного Я [16]. Включение этих факторов позволит уточнить содержание социальной среды, в которой сегодня происходит структурирование самосознания.

Список литературы

1. Чагаров Х. Д. Психологические особенности формирования самоотношения в юношеском возрасте // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №. 80-2. – С. 413-416.
2. Едиханова Ю. М., Туринцева А. П. Сравнительный анализ особенностей «образа-Я» в юношеском возрасте // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – №. 3. – С. 155-162.

3. Гаджиева У. Б. Категория самоопределения как важная проблема жизненного становления личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13. – №. 3-1. – С. 93-100.
4. Абдуллаева Г. О. Особенности профессионального самоопределения на разных этапах подросткового возраста // Eurasian Journal of Current Research in Psychology and Pedagogy. – 2023. – №. 2. – С. 63-71.
5. Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю. Динамические преобразования совладающего поведения в ситуации самоопределения в юношеском возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – №. 4. – С. 97-109.
6. Леженина С. В., Яковлева Л. А., Асанин В. Ю. Особенности развития познавательной сферы учащихся юношеского возраста // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – №. 84-1. – С. 462-464.
7. Шилова Н. П. Формирование жизненного пространства в юношеском возрасте // Психология и психотехника. – 2023. – №. 2. – С. 11-23.
8. Кубанова А. К. Психология юношеского возраста и формирование самосознания // Власть истории–История власти. – 2022. – Т. 8. – №. 38. – С. 59-62.
9. Бармина П. С., Нозикова Н. В. Переживание одиночества в зависимости от межличностных отношений в юношеском возрасте // Перспективы науки и образования. – 2024. – №. 1 (67). – С. 574-589.
10. Лебедева О. В., Коларькова О. Г., Калинина И. В. Семантическое пространство понятий «самосознание» и «самопознание» в аспекте профессионального самоопределения старшеклассников // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №. 75-4. – С. 373-375.
11. van der Crujsen R., Blankenstein N. E., Spaans J. P., Peters S., Crone E. A. Longitudinal self-concept development in adolescence // Social Cognitive and Affective Neuroscience. – 2023. – Vol. 18. – No. 1. – Article nsac062. – DOI: 10.1093/scan/nsac062.

12. Crone E. A., van Drunen L. Development of Self-Concept in Childhood and Adolescence: How Neuroscience Can Inform Theory and Vice Versa // *Human Development*. – 2024. – Vol. 68. – No. 5–6. – P. 255–271. – DOI: 10.1159/000539844.
13. Xiang G., Teng Z., Yang L., He Y. Longitudinal relationships among sociocultural pressure for body image, self-concept clarity, and emotional well-being in adolescents // *Journal of Adolescence*. – 2024. – Vol. 96. – No. 1. – P. 98–111. – DOI: 10.1002/jad.12257.
14. Xiang G., Teng Z., Du Y., Yang L., He Y. Evaluating a longitudinal multilevel mediation model of self-concept clarity, hope, and subjective well-being in adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. – 2024. – Vol. 48. – No. 3. – P. 229–240. – DOI: 10.1177/01650254231222440.
15. Wang J., Liu M., Zhou Z., Li Q. The reciprocal relations between perceived attachment to parents and Self-Concept clarity in adolescence // *Children and Youth Services Review*. – 2024. – Vol. 166. – Article 107986. – DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.107986.
16. Avci H., Baams L., Kretschmer T. A Systematic Review of Social Media Use and Adolescent Identity Development // *Adolescent Research Review*. – 2025. – Vol. 10. – P. 219–236. – DOI: 10.1007/s40894-024-00251-1.
17. Janowicz K., Piotrowski K., Bakiera L. Longitudinal Links Between Identity Development and the Vision of One's Adult Life in Emerging Adulthood // *Emerging Adulthood*. – 2025. – Vol. 13. – No. 1. – P. 32–47. – DOI: 10.1177/21676968241292386.
18. Yu X., Li X., Gong J., Hao H., Jin L., Lyu H. Family functioning and adolescent self-concept clarity: The mediating roles of balanced time perspective and depression // *Personality and Individual Differences*. – 2024. – Vol. 220. – Article 112528. – DOI: 10.1016/j.paid.2023.112528.
19. Wong T. K., Hamza C. A. Recent stressful life events and identity development in emerging adults: An examination of within-person effects // *Journal of Personality*. – 2025. – Vol. 93. – No. 3. – P. 599–613. – DOI: 10.1111/jopy.12954.

References

1. Chagarov Kh. D. Psikhologicheskie osobennosti formirovaniya samootnosheniya v yunosheskom vozraste // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – №. 80-2. – S. 413-416.
2. Edikhanova Yu. M., Turintseva A. P. Sravnitel'nyi analiz osobennostei «obraza-Ya» v yunosheskom vozraste // Uchenye zapiski Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2025. – №. 3. – S. 155-162.
3. Gadzhieva U. B. Kategoriya samoopredeleniya kak vazhnaya problema zhiznennogo stanovleniya lichnosti // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2024. – T. 13. – №. 3-1. – S. 93-100.
4. Abdullaeva G. O. Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya na raznykh etapakh podrostkovogo vozrasta // Eurasian Journal of Current Research in Psychology and Pedagogy. – 2023. – №. 2. – S. 63-71.
5. Bershedova L. I., Morozova T. Yu. Dinamicheskie preobrazovaniya sovladayushchego povedeniya v situatsii samoopredeleniya v yunosheskom vozraste // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki. – 2024. – №. 4. – S. 97-109.
6. Lezhenina S. V., Yakovleva L. A., Asanin V. Yu. Osobennosti razvitiya poznavatel'noi sfery uchashchikhsya yunosheskogo vozrasta // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2024. – №. 84-1. – S. 462-464.
7. Shilova N. P. Formirovanie zhiznennogo prostranstva v yunosheskom vozraste // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2023. – №. 2. – S. 11-23.
8. Kubanova A. K. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta i formirovanie samosoznaniya // Vlast' istorii–Istoriya vlasti. – 2022. – T. 8. – №. 38. – S. 59-62.
9. Barmina P. S., Nozikova N. V. Perezhivanie odinochestva v zavisimosti ot mezhlichnostnykh otnoshenii v yunosheskom vozraste // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2024. – №. 1 (67). – S. 574-589.
10. Lebedeva O. V., Kolar'kova O. G., Kalinina I. V. Semanticheskoe prostranstvo ponyatii «samosoznanie» i «samopoznanie» v aspekte professional'nogo

samoopredeleniya starsheklassnikov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – №. 75-4. – S. 373-375.

11. van der Cruisen R., Blankenstein N. E., Spaans J. P., Peters S., Crone E. A. Longitudinal self-concept development in adolescence // Social Cognitive and Affective Neuroscience. – 2023. – Vol. 18. – No. 1. – Article nsac062. – DOI: 10.1093/scan/nsac062.

12. Crone E. A., van Drunen L. Development of Self-Concept in Childhood and Adolescence: How Neuroscience Can Inform Theory and Vice Versa // Human Development. – 2024. – Vol. 68. – No. 5–6. – P. 255–271. – DOI: 10.1159/000539844.

13. Xiang G., Teng Z., Yang L., He Y. Longitudinal relationships among sociocultural pressure for body image, self-concept clarity, and emotional well-being in adolescents // Journal of Adolescence. – 2024. – Vol. 96. – No. 1. – P. 98–111. – DOI: 10.1002/jad.12257.

14. Xiang G., Teng Z., Du Y., Yang L., He Y. Evaluating a longitudinal multilevel mediation model of self-concept clarity, hope, and subjective well-being in adolescents // International Journal of Behavioral Development. – 2024. – Vol. 48. – No. 3. – P. 229–240. – DOI: 10.1177/01650254231222440.

15. Wang J., Liu M., Zhou Z., Li Q. The reciprocal relations between perceived attachment to parents and Self-Concept clarity in adolescence // Children and Youth Services Review. – 2024. – Vol. 166. – Article 107986. – DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.107986.

16. Avci H., Baams L., Kretschmer T. A Systematic Review of Social Media Use and Adolescent Identity Development // Adolescent Research Review. – 2025. – Vol. 10. – P. 219–236. – DOI: 10.1007/s40894-024-00251-1.

17. Janowicz K., Piotrowski K., Bakiera L. Longitudinal Links Between Identity Development and the Vision of One's Adult Life in Emerging Adulthood // Emerging Adulthood. – 2025. – Vol. 13. – No. 1. – P. 32–47. – DOI: 10.1177/21676968241292386.

18. Yu X., Li X., Gong J., Hao H., Jin L., Lyu H. Family functioning and adolescent

self-concept clarity: The mediating roles of balanced time perspective and depression // *Personality and Individual Differences*. – 2024. – Vol. 220. – Article 112528. – DOI: 10.1016/j.paid.2023.112528.

19. Wong T. K., Hamza C. A. Recent stressful life events and identity development in emerging adults: An examination of within-person effects // *Journal of Personality*. – 2025. – Vol. 93. – No. 3. – P. 599–613. – DOI: 10.1111/jopy.12954.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 22.06.2026; принята к публикации 05.10.2026.

The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 22.06.2026; accepted for publication 05.10.2026.